

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

# Город Витрувия и Де Волана

"Произведение архитектуры... должно отвечать требованиям эвритмии-гармонии — прочности, пользы и красоты..."  
Витрувий. "De architectura".

Античные принципы закладки и обустройства едва ли не всех городов на юге Украины, основанных во второй половине XVIII века, объясняются духом и соответствующей модой эпохи классицизма. Ее девиз сформулировал "отец археологии" Иоганн Иоахим Винкельман: "Единственный способ для нас быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним". В этом отношении первый план Хаджибея-Одессы, составленный де Воланом зимой-весной 1794 года, свидетельствует, что Одесса была задумана как античный город с самого начала. В нем де Волан воплотил в жизнь древнейшие традиции и опыт градостроения античной цивилизации, который был обобщен римским архитектором и инженером Марком Витрувием Поллионом в трактате "De architectura".

В античной ментальности любые существенные действия, заполняющие человеческую жизнь: рождение, брак, смерть, основание города, храма или дома, освоение новой территории и т. п. — обладала значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифологического, идеального образца, как воспроизведение некоего прайдействья. Это — предствление об отделеении богами тверди от хляби, о выделении упорядоченного пространства из первозданного хаоса как об изначальном акте творения. Овладение новой землей, будь то на основе ее захвата, будь то в результате открытия, становилось подлинно реальным в переживании каждого, только если с помощью точно исполненного ритуала в нем обнаруживалось повторение изначального мифологического акта творения.

Так, в частности, объяснялись обряды закладки городов у древних римлян еще в эпоху Ранней империи. Проведя ночь у костра, основатели будущего города втыкали в землю шест (или копьё), следя за тем, чтобы он стоял строго вертикально. И когда шест, озаренный первым лучом восходящего солнца, отбрасывал на землю длинную тень, по ней поспешно проводили плугом борозду, определявшую направление первой главной улицы — "декумануса" (decumanus ager — поле, с которого взимается десятая часть продуктов); к ней выставлялся перпендикуляр, становившийся второй главной улицей — "кардином" (cardo — ось, небесный полюс, граница). У места их пересечения возникало ядро города, центр, одновременно деловой, общественный и сакральный. Происходило как бы заклятие неупорядоченной первоздан-

ной природы; на ее хаотическую пустоту, повторив первичный акт творения, оказывалась наложенной четкая геометрия порядка и воли.

Видимо, все эти соображения были органично присущи основателям Одессы, "культурным героям" классицизма — Иосифу де Рибасу и Францу де Волану: "В тот же день (рождения Одессы, — А. Д.) была проведена первая борозда для фундаментов городских строений" [1, 8]. Это означает, что основатели города строго соблюдали античные ритуальные действия. Действительно, в Римской империи, от Атлантики до Двуречья и Причерноморья, возникают схожие города, с одной и той же основной, "декуманусной" магистралью, которую в центре пересекает другая магистраль "кардина"; у их скрещения одна и та же площадь, на которой стоят одни и те же здания: базилика, храм Капитолийской триады, рынок, храм императора. Неподалеку от центральной площади находятся термы, амфитеатр, театр или цирк — место для зрелищ, тоже носивших сакральный характер. В определенное время там происходил выборы руководства гражданско-коллектива.

Несмотря на греческие наименования, новые города в Российской империи, основанные во второй половине XVIII века на отвоёванных территориях, планировались по римским образцам. Это наблюдается решительно во всех случаях. Чаще всего это происходило без учета условий местности — сетка прямоугольных кварталов, рассеченных меридиональными и широтными улицами, механически накладывалась на избранное для города место. Отклонения от меридиональной ориентировки немногочисленны и допускались лишь в связи с существенными ландшафтными помехами.

Незначительно отклонялись от меридиана и основные улицы Одессы и Овидиополя — городов, проектировавшихся де Воланом. Попытаемся проникнуться его замыслом первого плана Одессы.

"План города Гаджибея", разработанный де Воланом и утверждённый Екатериной II 27 мая 1794 г., считается первым основным проектом города. Это эскизная схема, из которой впоследствии заимствовали размеры кварталов, улиц и принцип композиционного построения. Отклонение от строгой меридиональной ориентировки в литературе объясняется необходимостью использовать естественную параллельность Военной и Карантинной балок и сместить тем самым трассировку ведущих к морю улиц Военного форштадта от строгой оси север — юг. Это, на первый взгляд, кажется очевидным.

Между тем известно, что план составлялся де Воланом на местности зимой 1794 г. Именно в это время солнце над Одессой вос-

ходит с отклонением к юго-востоку. Солнечные лучи в середине зимы идут вдоль улиц, параллельных нынешней Ланжероновской. Азимут восхода солнца, считаемый от точки севера по часовой стрелке, в середине января (по старому стилю) составляет около 120 градусов\*). Это означает, что упомянутый "принцип композиционного построения" оказывается в полном соответствии с описанным древнеримским ритуалом "декумануса" как раз для того времени года, когда составлялся "План..." (левый рисунок).

Действительно, на рассматриваемом "Плане..." ряды улиц, параллельные нынешней Ланжероновской, направлены к точке восхода солнца в январе, а потому образуют линии декумануса. Тогда все перпендикулярные улицы (параллельные нынешней Ришельевской) образуют линии кардина. Изначальное деление Одессы на кварталы и участки, таким образом, восходит к древнейшим римским сельскохозяйственным нормативам распределения земли. "План...", таким образом, доказывает, что римская градостроительная идея в него была заложена еще на уровне первичного замысла.

Место, где де Волан с де Рибасом установили символическое "копье", "маркируется" археологически обнаруженным в 1995 г. обрядом основания Одессы. Этот обряд был совершен при закладке первого дома Одессы 22 августа 1794 г. (по старому стилю) [2, 218 — 221] примерно полгода спустя после составления "Плана города Гаджибея", который Одессой еще тогда не был назван. Но участники обрядового действия заранее вели себя, как античные "культурные герои", "обустройствающие" будущий город (ритуальное возлияние, закладка монеты, сломанное оружие и т. п.)\*\*. Именно эту точку де Волан обозначил его исходным центром. И, если находиться в этой точке на незастроенной местности при восходе солнца в середине января, то оно встанет над морем, прямо над Карантинной балкой, в том месте, где в нее ведет нынешний Ланжероновский спуск.

Сказанное позволяет полагать, что пер-

\*) Вычисления проведены А.П. Челомбитско (астрономическая обсерватория Одесского университета). Все азимуты вычислены от точки севера на восток, по часовой стрелке. Максимальное значение азимута восхода Солнца 22 декабря (по новому стилю) — 125°, минимальное, 22 июня — 55° (округление с точностью до одного градуса).

\*\*) Точно на этом месте, в кофейне грека Симона Аспорида, встретил Иосиф де Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — солнца своей победы над Хаджибеем (азимут 90 градусов). Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Солнце в этот день восходило точно на востоке (см. выше).

вой главной улицей Военного форштадта — декуманусом — была задумана будущая Ланжероновская улица. Тогда кардином становилась будущая Ришельевская. Этим де Рибас с де Воланом предопределяли общественный и сакральный центр города. Здесь был заложен первый дом — князя Г.С. Волконского. И, как известно, первый социокультурный эпицентр будущей Одессы в конце XVIII — начале XIX в. (дом Ришелье, театр, гостиница Рено, аристократический клуб, коммерческое казино, ресторация Оттона, биржа, дворец Ланжерона, плац-парад) образовался именно здесь же.

Военная и Карантинная балки используются как спуски из города в порт, с ними же увязана и трассировка "кардинных" и "декуманусных" улиц. Получается, что не одна лишь естественная параллельность балок предопределяла отклонение этой трассировки от строгой линии север — юг, а их изначальная "кардинная" направленность. Это обусловило выбор де Воланом на побережье залива такого конкретного плато, где планировка оказалась бы в полном соответствии как с античной градостроительной традицией, так и с условиями местности. Именно плато, ограниченное "кардинно" ориентированными Военной и Карантинной балками, отвечало нужным условиям — лишь на нем можно было оптимально соединить систему прямых улиц с требованиями античного обряда. Так было выделено основное, "сакральное" ядро будущего города. Его западная, "профанная" часть (Греческий форштадт) проектировалась уже на другом плато, под углом 45° к основной сетке и рассматривалась как периферийная.

Однако и такая планировка Греческого форштадта оказывается не случайной. Если перенести на него "декуманусные" линии, то им будут соответствовать улицы, параллельные нынешней Тираспольской, а "кардинные" — Нежинской. В таком случае азимут восхода солнца составляет около 75 градусов. Такое расположение улиц Греческого форштадта соответствует линии декумануса на 22 августа по старому стилю — день основания Одессы. В этот день солнце восходит ровно под углом в 45 градусов по отношению к плану Военного форштадта, одинаково равномерно освещая, таким образом, его декуманусные и кардинные улицы. Можно видеть, что день торжественной закладки Одессы был избран ее основателями заранее и сознательно, из вполне научных соображений.

Можно видеть и другое — именно в день рождения Одессы "кардинная" ось Греческого форштадта, по замыслу де Волана, становится солярной осью для всего города, его действительным "небесным полюсом". В таком случае солярный центр Одессы оказывается на стыке Военного и Греческого фор-

Александра СВИРИДОВА

# Смерть Варлама Шаламова

"Крайне бестолков, задаваемых вопросов не осмысливает. Пытался укунить врача".

Последняя запись в истории болезни В. Шаламова.

17 января 1982 года в центре страны, в столице СССР городе Москва, остановилось сердце Варлама Шаламова. Писателя-летописца ада, созданного советскими людьми для своих же — соседей и родственников. По праву человека, сделавшего в 1990 году первый фильм о нем, я стараюсь напоминать о том, что он был. Только что — в то самое время, когда мы были и ходили с ним одними улицами. И не знали... Ни прозы его, ни его самого. Фильм вышел только в 1991-м — после провала августовского путча ГКЧП.

С тех пор меня не раз спрашивали, как возник интерес к В. Шаламову. И я признаюсь: не было у меня интереса. Не было даже такого слова — "Шаламов". Была Украина, маленький южный город, заросший акацией, август пятьдесят первого. Я появилась на свет в чудом уцелевшей после войны семье и лет до пяти жила в благости неведения. У меня была самая лучшая бабушка, за которую можно спрятаться, если за тобой гонятся, и которая вылечит от всего, если что-то болит. В соседнем городе был папа, который слал телеграммы на красивых бланках с цветами. И ветром вокруг кружилась самая красивая на свете мама. Такая красивая, что на нее было

больно смотреть, как на солнце. Ее было видно издалека, как пожарную каланчу у базара: такая высокая. С выщипанными каштановыми волосами, тонким профилем, горделивой осанкой и царственной походкой. К ней у меня был интерес: где она, куда ушла, когда придет. Мама тоже лечила больных, но не ласково, как бабушка, а строго. И длинные красивые ее пальцы были холодными, а бабины — теплыми даже зимой.

Мир вокруг был понятным, состоял из травы и деревьев, птиц на ветках, кошек под ногами, собак в подворотнях и лошадей, что, цокая копытами, тащили телеги по бульварной мостовой. Когда настало время идти в школу, город зашелестел, как крона акации в дождь, все зашептались, и два новых слова торжались в быт: "двадцатый съезд". Кто-то входил в нашу маленькую квартиру, брал какую-то книгу, какую-то оставял. Бабушка заваривала из муки клейстер, подклеивала рассыпавшуюся газету, в которой все что-то читали. Кто-то всхлипывал, кто-то плакал. Потом бабушка стала дважды проверять, заперла ли дверь. Прислушиваться к маминим шагам, когда та поздно возвращалась домой. А потом и вовсе они стали поднимать тяжелый чугунный болт, висевший в углу в коридоре еще "с погромов", как говорила бабушка, и накидывать его на ночь на крюк, запирая дверь изнутри. А в переулках слева и справа от нашего квартала появились новые люди. Разные,

но с одинаково белесыми лицами и жадными цепкими глазами. Сосед Колюня окликнул меня, когда я шла с маленьким бидончиком к цистерне за молоком, и важно представил "брательнику". Тот придирчиво оглядел меня, спросил, где батя, выслушал, что он с нами не живет, и одобрительно кивнул. А дальше другие пацаны расхватались другими "брательниками", что "откинулись" с зоны, и улица разделилась: одни обступали брательников, слушали их рассказы, другие, убаюывая шаги, проходили мимо. Пацаны брательниками гордились. Они умели то, чего не умел никто, и учили нас: играть пустыми руками в "тюремное" "очко" или в "ножичек", когда описывали круг на земле, делили пополам на твоем и так мастерски бросали в кружочек нож, что все "твое" отрезалось по ломтику и становилось "мое". Учили кидать и нас: из положения сидя, потом — с колена, потом — с высоты полного роста. Учили делать финки из осколков пилы, а из цветных зубных щеток — наборные рукоятки. Никогда я не гордилась собой больше, чем в день, когда попала финкой в мишень на заборе, и не было выше похвалы, чем одобрение старого урки. Потом по городу прокатилась волна грабежей и убийств, и брательников с финками, фиксами, татуировками у пацанов не стало. Не стало и многих пацанов. А потом в сумерках кто-то стукнул в наше окно, мама спросила: "Кто там?" — открыла дверь, вскрикнула и ухвати-

лась за дверной косяк, чтобы устоять. На пороге стояла красивая женщина. Одного с мамой роста и на одно лицо. Только волосы у нее не вились, а лежали гладко и были белыми. Да сухая бледная кожа на щеках, как у брательников. От нее разило табаком, как от них, а стоило ей улыбнуться, как блеснул во рту железный зуб. Это была мама доверенная подруга Леля.

Они родились в одном городе в один день одного года. Вместе пошли в школу, вместе окончили ее. На рассвете после выпускного пришли с Днепра и услышали: "война". Обе остались в городе, обе стали подпольщицами. Моей — "повезло", как сказала Леля: ее арестовало гестапо; а Леле — нет: ее взяли свои, когда освободили город. И обвинили в том, что она выдала подпольщиков. Вместе с полициями и гестаповцами осудили по страшной 58-й статье, пункт "А" — "измена Родине" — и сослали на Колыму. Она выжила там, осталась после освобождения медсестрой в Сусумане, и вот — впервые приехала в отпуск.

Леля не знала, кто помнит ее в Херсоне, кто верит, что не выдавала она никого. Мама и бабушка мои верили, и Леля осталась у нас ночевать. Я смотрела на них и выискивала, что у них разного — словно боялась наутро не узнать, какая из них — моя. А ночью, когда бабушка ушла на дежурство в военный госпиталь, что был через дорогу напротив нашего

штадтов, а точнее — примерно на нынешнем углу Преображенской, Ланжероновской и Херсонской. Солнце всегда встает над морем, диапазон изменений его точек восхода над Одессой составляет 70 градусов. Город, таким образом, расположен самым благоприятным образом для своего самого гармоничного солнечного освещения с учетом всех конкретных условий — местности и времени года. А в день основания Одессы такое освещение становится едва ли не идеальным [3, 245 — 250]. Таким образом, становится объяснимым и выбор конкретной даты этого события. Лишь "...надлежало начертанный де-Воланом план города наложить в натуральную величину на пустынную территорию Хаджибея... наметить места для храмов. С благословения Гавриила, в присутствии де-Рибаса и де-Волана, 22-го августа 1794 года было положено основание нашего города" [4, 7 — 8].

В дальнейшем полисная идея была модифицирована де Воланом в планах Одессы 1803, 1809 и 1811 гг. в так называемую "очаговую", или "мегаполисную". Она заключалась в проектировке восьми площадей как будущих самостоятельных очагов экономического и социокультурного притяжения населения строящегося города [5, № 11 — 12]. Такие очаги, по мысли де Волана, при своем стихийном разрастании объединяются в общий мегаполис по единому, "римскому" плану, "как бы постепенно сливающимися крупными пятнами". Эта идея создавала допол-

нительные резервы жизнеспособности Одессы. Одним из таких запланированных "очагов" была нынешняя Греческая площадь. Возможно, не случайно "круглый дом", находящийся именно на ней, расположен точно на линии восхода солнца в день рождения Одессы (левый рисунок).

Становится также очевидным, что свой план де Волан "начертал" по рекомендациям Витрувия, который полагал необходимым производить "прокладку улиц и переулков с ориентацией на определенную часть света" [6, 1, VI, 1], а "по распределению пространств между зданиями и по установлении плана улиц предстоит развернуть выбор под определенные здания соответствующих площадей... Если город будет расположен вдоль моря, то площадь для расположения форума следует избирать возможно ближе к порту... В центре города... надо установить медный гномон как указатель тени"... чтобы "получить северную и южную ориентацию". Здесь же — здание городской думы и Думская площадь, аналог античного "форума".

"Прокладка улиц с ориентацией на определенную сторону света будет выполнена правильно, если эти проулки будут предохранены от действия ветров; иначе ветры, если они холодные, то действуют неприятно; если они жаркие, то действуют тлетворно; а если они влажные, то оказывают вредоносные влияния..." — учит Витрувий. Зато, "если ветры будут обезврежены, то в та-

ком случае этим будет достигнуто не только оздоровление места для здоровых организмов, но в таких местах вследствие обезвреживания ветров и благоговения атмосферы, скорее всего, будут излечиваться даже те болезни, которые возникнут от каких-нибудь других неблагоприятных условий" [6, 1, VI, 3]. Эти восемь основных ветров — "...Солан, дующий с востока в точке равноденствия; Австр, дующий с юга; Фавоний, дующий с запада в точке равноденствия; Септентрион, дующий с севера... между Соланом и Австром — дующий с зимнего востока Эвр; между Австром и Фавонием — с зимнего запада дующий Африк; между Фавонием и Септентрионом — Кавр, который большинство называют Кором; между Септентрионом и Соланом — Аквилон" [6, 1, VI, 4, 5]. "...Только по углам, занимающим место между двумя направлениями ветров, следует прокладывать направления улиц и проулков" (выделено нами, — А. Д.)... Тогда "будет исключено отягительное действие ветров как на жилища, так и на улицы... А потому-то и следует отворачивать от направления ветров линии улиц так, чтобы, налетая на углы корпусов зданий, ветры разбивались и, получив отпор, рассеивались" (выделено нами, — А. Д.) [6, 1, VI, 7-13].

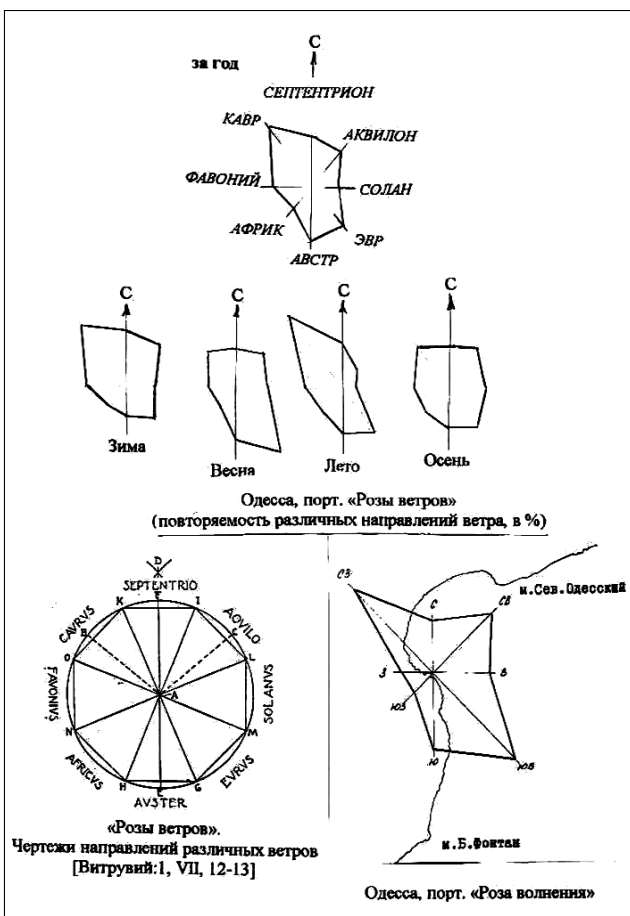
Ясно, что Франц де Волан вслед за своим античным "учителем" так планирует свой город, чтобы максимально "укротить" самые "вредоносные" преобладающие ветры. Та-

ковыми для Одессы являются северо-западный ветер Кавр, несущий катар и кашель ее жителям, а также южный и юго-восточный ветры Австр и Эвр, "дующий с зимнего востока" и несущий жителям города "плеврит, чахотку, кровохарканье и прочие болезни". Для обезвреживания именно этих наиболее опасных ветров де Волан располагает основные форштадты города под углом к ним: Военный — углом по направлению к Эвру, а Греческий — углом по направлению к Кавру. Благодаря этому, при преобладании северо-восточных ветров (Кавр) они, "налетая на углы корпусов зданий" Греческого форштадта, разбиваются и рассеиваются. Точно так же рассеивается и вредоносное действие юго-восточных и южных ветров — Эвра и Австра: они налетают на углы кварталов и строений Военного форштадта (правый рисунок). Таким же образом форштадты Одессы защищены и от "дующего от зимнего запада" Африка — юго-западного ветра, который усиливается осенью и зимой и также способствует "впадению в вышеозначенные болезни".

Приведенные нами "розы ветров" показывают, что в Одессе на протяжении всего года преобладают в среднем северо-западные и юго-западные ветры. Это преобладание не так очевидно осенью, но постепенно усиливается зимой и весной, а более всего выражено в летние месяцы. Поэтому планировочной задачей де Волана было устранение их "отягительного воздействия" наряду с "привлечением" в город здоровых или менее опасных ветров. Расположение Военного и Греческого форштадтов также способствует такому "привлечению": их улицы открыты со стороны моря более слабым, более здоровым ветрам — северным и северо-восточным. При усилении именно этих ветров весной, зимой и осенью люди, которые страдают от кашля, "возвращаются к нормальному состоянию". Этому не препятствует и открытость улиц Одессы со стороны степи ветрам, дующим с юго-запада и запада — Африку и Фавонию. Они наиболее слабы зимой и весной, а летом — приятны и безвредны. Осенью же "вредоносные" Кавр и Эвр относительно ослаблены за счет увеличения доли здоровых северных, северо-восточных и восточных ветров — Септентриона, Аквилона и Солана.

Мы видим, что де Волану удалось оптимально учесть всю совокупность астрономических, климатических и метеорологических факторов при планировке Одессы. Он сумел полностью компенсировать возможные "вредоносные" воздействия всех этих условий и расположить "свой" город едва ли не идеально. Ибо, как пронзительно точно выразился Гете, "это какая-то вторая природа, которая действует в интересах гражданского благоустройства, — вот что собой представляет античное строительное искусство" [цит. по: 6, 7].

Удивительно удачная планировка одесских улиц и связанных с этим "комфортные" ощущения одесситов многократно отмечались в литературе. Этим мы обязаны не только высочайшему профессионализму и таланту де Волана, но и его необычайной культурной чуткости к опыту и древнейшим традициям античного градостроения.



дома, меня уложили спать, и мама с Лелей начали шептаться. Сколько им было в том пятьдесят восьмом? Едва перевалило за тридцать. Они тихо рассказывали друг другу, как их убивали. Мама расплывалась и жарко шептала, как ее пытали, как полицией спросил на допросе, знакома ли она с Грицем. Она сказала: "Нет", — а он положил перед ней фото, где они с Грицем стояли рядом зимой, и она не узнала себя в детской шапке.

"Соврала", — сказал полицией, ударил кулаком в лицо, она увернулась, он попал по уху, и она оглохла. Кто бил ее дальше — не видела. Не чувствовала, как упала. Пришла в себя, когда на нее вылили ведро воды. Поняла, что слышала, как волокли ее из той комнаты, где допрашивали, туда, где она лежала теперь на цементном полу. Над ней склонилась женщина-врач.

— Я узнала ее! — шептала мама. — Она до войны бывала у нас в доме. "Ничего, до смерти — доживешь", — сказала она.

— Повезло, — спокойно протянула Лёля, затаиваясь папиросой. — Тебя все-таки фрицы пытали, а меня — свои...

— Да какие фрицы? — протестовала мама. — Полиции...

— А меня — наши. Освободители, — иронично тянула Лёля.

Я боялась дышать: вдруг услышат, что не сплю? Но они забыли о моем существовании. Я, наконец, устала, заснула, но они стали чиркать спичками, а потом вообще зажгли свечу в баночке из-под сметаны, что стоила три копейки, когда я сдавала посуду. Комната озарилась, и они — две красавицы в самодельных ночнушках — принимались стаскивать их то с одного плеча, то с другого, чтоб показать друг другу шрамы, оставшиеся после пыток. У мамы на груди, и у Лели на груди,

у мамы — на правой, у Лели — на левой. Они изумленно разглядывали одинаковые шрамы на теле друг друга. И если бы не две черные всклокоченные тени на потолке, можно было подумать, что в комнате сидела одна мама, но перед огромным зеркалом...

Утром с закрытыми глазами я шла в школу. Досыпала там на задней парте, а ночью снова слушала. Новые слова: Колыма, Магадан, Сусуман. В последнем Леля работала в "больничке", как она говорила. Уже "вольняшкой", но хотела реабилитироваться, чтоб вернуться в родной город — на юг, а не гнить там на мерзлоте. Жалко было только людей, которых она встретила там... Ее прокуренный голос мягчел, и она с любовью говорила о начальнице Тосечке, которой надо обязательно купить гипюровую кофточку, и о каком-то медбрата — Лёля нарассев читала его стихи, и в них был ветер. Звали медбрата Шаламов, но я не запомнила это слово.

Леля уехала и через год приехала снова. Снова в отпуск. Снова к нам. Искала свое "дело" в херсонском суде, чтобы подать на реабилитацию. Не для себя — для сына старалась. Славик на Колыме страдал от того, что его не приняли в пионеры, как сына врага народа. Леля ходила "по инстанциям". Мы с мамой ждали ее у суда, где, наконец, нашли ее дело. Леля вышла и прошла мимо нас. Я видела ее остановившиеся глаза. Так выглядят циферблат без стрелок: вроде часы, но время не показывают. Лелины ноги вели ее к нам в дом. Там она курила, кашляла, харкала, а ночью сказала, что в деле написано, что ее обвинили "на основании свидетельских показаний подпольщиков".

— Да никаких подпольщиков в ту пору в помине не было, — возмущалась мама. — Нас всех уже взяли к тому времени.

Мне было лет одиннадцать — двенадцать. Я встала утром и сказала им, что я давно подслушиваю, в школу не пойду, а пойду с Лелей к подпольщикам и каждого попрошу написать на бумажке, что он не говорил, что она его выдала. Мать моя онемела, а у Лели блеснули глаза. В них затикало, и они снова стали показывать время. Она закурила, спряталась в облако дыма, а когда вынырнула из него, кивнула: "Пошли".

Мама написала нам адреса. Мы шли пешком по нашему маленькому зеленому городу. Я толкала калитки палисадников, стучала в окно и в двери. И отступала, когда открывали. Смотрела издали, как они впились друг в друга глазами, узнавали/не узнавали, как восклицали что-то нечленораздельное, дергали кадыками, слгатывая рыдание, всхлипывали, неуклюже обнимались, как безрукие, и одинаково смахивали слезы тыльной стороной ладони.

Все написали, что надо, и Лелю реабилитировали. Не сразу, конечно. Но она вернулась с Колымы, привезла своего Славика, и он успел стать комсомольцем. Меня она называла "дítě" и хвасталась: "Вот оно — дítě, что всё это придумало"...

Лёле дали статус участника войны и квартиру в новой многоэтажке на окраине. Она и рассказала мне о Колыме. Я окончила школу, уехала из южного города учиться в Москву. А когда в "Посеве" вышел "Архипелаг ГУ-Лаг", неделю не ходила на занятия — читала. Потом села в поезд Москва — Николаев и через сутки допрашивала Лелю с конспектом в руках: "Это правда?"

Леля курила и молча кивала. Последнее, о чем я спросила, был эпиграф — о том, что на Колыме нашли мамонта и его мясо оказалось съедобным.

— Да, — улыбнулась Леля. — Только варить надо было долго.

— Ты знала людей, что его ели? — недоверчиво уточнила я.

— Я его ела, — кнула изуродованным артистом пальцем себе в грудь Леля. — А из бивня наши хлопцы, — вспомнила она, и глаза ее весело блеснули. — Смотри, что могли...

Она вскочила и принялась рыться в коробках из-под пенья, где хранила нитки-иголки.

— Вот, — извлекла она кусок бивня мамонта, похожий на брелок для ключа. На нем был вырезан звенк с рыбиной на руках. — Мы за такую красоту, знаешь, сколько могли хлеба выменять?! — зажмурилась она, вспомнив былое богатство. — Держи, — решительно протянула она мне колымскую нецке.

Я зажала осколок бивня в кулаке. Так он и хранится у меня в коробке с драгоценностями — маленькой печаткой прадеда, где под снопом пшеницы вырезана в сердолике его фамилия с буквой "ять" на конце; пуговкой с двуглавым орлом с гимназической тужурки деда и обручальным кольцом мамы.

Вскоре я засела за новый сценарий — о жизни и творчестве Варлама Шаламова. Медленно, словно разматывая клубок из непонятных слов, читала я его рукописи и дневники. И ощущение чего-то знакомого не оставляло. Может, названия Колыма — Магадан — Сусуман, что звучали у меня над головой, когда я засыпала посреди маленькой комнаты, в которой две девочки сравнивали одинаковые шрамы, полученные в разных — сталинских и гитлеровских — лагерях.

Фильм о Шаламове Леля не увидела: рак. Угасала она, мужественно принимая страдания: худела, таяла, как свеча, но не жаловалась. Радовалась, что умирает в своей постели. Так и отошла. Мама моя умерла от того же

Александра СВИРИДОВА

## Смерть Варлама Шаламова

(Окончание. Начало на 10-й стр.)

рака пару лет спустя. А я долго не могла понять, зачем Создатель сотворил таких похожих девочек, которым выпало пройти через страшные жернова. Однажды увидела фильм польского режиссера К. Кесьлевского "Двойная жизнь Вероник", в котором юноша, создатель кукольного театра, делал кукло. Каждый — по две, на случай, если одна сломается во время спектакля. "Они очень хрупкие", — пояснял он. Думаю, Создатель поступил так же, дав жизнь двум девочкам. Но они не сломались. Обе выстояли, остались людьми. Мир их памяти.

## Смерть В. Шаламова

В 1992 году я решила рассказать о смерти В. Шаламова. Вместе с Артемом Боровиковым мы создали телепрограмму "Совершенно секретно", полагая своей задачей снять гриф секретности со всего, до чего дотянется наша камера. В "Хронике текущих событий" это один из самых тяжелых материалов 64-го выпуска, последнего из вышедших в самиздате.

"17 января 1982 года автор "Колымских рассказов" Варлам Тихонович Шаламов скончался в доме-интернате психоневрологического № 32, куда за три дня до смерти был насильственно перемещен из дома-интерната обычного типа. Весной 1978 г. Шаламов был помещен в доминтернат для инвалидов и престарелых № 9 Тушинского р-на Москвы. Незадолго перед тем он лежал в невропатологическом отделении больницы, и соседи по квартире, ссылаясь на беспорядок, создаваемый Шаламовым, требовали избавить их от него. В интернате Шаламова поместили в шестиметровую палату на двоих. Ему тогда был 71 год. К весне 1980 г. Шаламов ослеп, наступило сильнейшее поражение речи. В это время его начал посещать А.А. Морозов. Он пишет: "Он сразу узнал меня (мы не виделись около 12 лет), вспомнил обстоятельства нашего знакомства в доме Н.Я. Мандельштам, на вопросы же отвечал все, хотя и приходилось мучительно разбирать его речь, многократно переспрашивая. О самочувствии говорил неохотно: чувствует себя здесь прекрасно, кормят здесь хорошо, а что нужно — так это посещать... Вообще мне показалось, что он чувствует себя здесь, как если бы он находился в лучшей тюрьме, откуда ни за что не хочет выходить... С весны 1981 г. В.Т. вместе со мной стали посещать еще Лена Хинкис и — с лета — Таня Уманская (внучка того Уманского, про которого рассказ "Вейсманнист"). С этого времени мы везли весь уход за В.Т. на себя: приносили и меняли одежду, мыли в комнате и т.д. Вокруг В.Т. обстановка была неважной: ему ставили миску, обыкновенно почему-то без ложки, но плохо было с водой — кран отключали, а подносить не трудились, и В.Т. иногда громко кричал на всю больницу. Среди персонала считалось, что к нему подходить опасно — может чем-нибудь бросить, ударить... В последние числа июля 1981 г. Хинкис случайно узнала из разговора медсестры о принятом решении перевести Шаламова в специализированный дом для психоневрологов. Главный врач интерната Б.Л. Катаев подтвердил, что решение принято, обосновав его, во-первых, диагнозом "старческое слабоумие", поставленным Шаламову на бывшей незадолго перед этим консультации, и, во-вторых, заключением санэпидемстанции об антисанитарном состоянии его палаты. Катаев сказал, что Шаламов "социально опасен" и представляет угрозу для персонала, т.к. способен, например, опрокинуть тумбочку или бросить в медсестру кружкой... Хинкис просила отсрочить перевод. Пошла к директору интерната Ю.А. Селезневу, который забеспокоился, едва услышал имя Шаламова. Хинкис призвала проявить гуманность и неформальный подход к судьбе Шаламова.

— Я бы рад подойти неформально, — сказал Селезнев. — Мне лично все равно, останется Шаламов или будет переведен, но товарищи из ГБ этим уже заинтересовались.

...Шаламова перевели 14 января 1982 года. О самом переводе узнали так. Шаламов давно просил Хинкис позвонить от его имени И.С. Исаеву, редактору, на помощь которого он рассчитывал, собираясь готовить книгу стихов к своему 75-летию. Хинкис позвонила как раз 14 января. Исаев разговаривал сухо, помощи не обещал и только под конец разговора сообщил: "Его уже перевели. Мне позвонила какая-то женщина". Этой женщиной была работница ЦГАЛИ И.П. Сиротинская, которой, по ее словам, Шаламов завещал свой литературный архив.

17 января утром Хинкис приехала в доминтернат для психоневрологов № 32. Дежурный врач сказал ей, что Шаламов "очень тяжелый". Кто такой Шаламов, врач не знал.

В палате на восемь человек Шаламов лежал и хрипел; врач предполагал пневмонию. Медсестра сказала: "Его такого и привезли". Он оставался в сознании почти до самого конца. Смерть наступила около шести часов вечера. Последняя запись в истории болезни Шаламова: "Крайне bestолков, задаваемых вопросов не осмысливает. Пытался укунить врача".

21 января утром состоялось отпевание Варлама Шаламова в церкви Николая в Кузнецких и затем похороны на Кунцевском кладбище. Присутствовали около 150 человек. А. Морозов и Ф. Сучков прочитали стихи Шаламова".

## Съемка

Первым собеседником в кадре стала И. Сиротинская. Я сняла ее в рабочем кабинете Центрального государственного архива литературы и искусства.

— Варлам Тихонович — как я его увидела, — вспоминала она, — был, сразу можно сказать, крупным человеком. Ещё до того, как мы знали, что он писатель великий, до всего — это просто крупная человеческая личность. Он и внешне был такой сибиряк... с твердыми, крупными волосами. Высокий, с такими ярко-голубыми глазами, и до старости ярко-голубыми остались его глаза. Такой высокий мугучий человек. Из семьи священников... Из потомственной священнической семьи. В тридцать шестом году он начинает публиковаться: "Три смерти доктора Аустри", "Возвращение", "Вторая рапсодия Листа" и другие рассказы. Он уже в тридцать седьмом году планирует сборник рассказов выпустить в свет, но — в ночь на 12 января 1937-го в его дверь постучали... Он был арестован и осужден Особым совещанием за контрреволюционную троцкистскую деятельность (КРТД) и попал на Колыму. Знаете, что-то есть в цепи случайностей, что-то судьбоносное в том, как проходит человеческая жизнь: 20 лет он провел в лагерях. 20 лет чистых лагерей: если считать ссылку и ущемление в правах, это будет больше. И 20 лет он работал над Колымской эпопеей. И то, что он написал, это, конечно, как личность его... Он состоялся, как личность. И он победитель. Я так считаю. Победитель не это государство, а победитель Варлам Тихонович. Огромное государство, армия, КГБ, куча стукачей... Государство единственное, что могло — убить его физически. Ну, вот это — да. Но он все равно победил. Им не удалось раздавить его, не удалось ничего сделать, чтобы он НЕ писал эти рассказы. И вот чего его лишили — это дожить ему не дали...

Я хотела понять, КАК система уничтожила писателя в Москве в 1982 году.

Без Дантеса и Мартынова, без декораций Черной речки и Машука, без kibиток, крылаток, дульных пистолетов и секундентов. Исследовать, как выглядит пролетарский опрошенный вариант вечного на Руси убийства поэта. Кто вывел Варлама Шаламова из его коммуналки в центре Москвы, где он мешал соседям, покрыто туманом. Хотя известно, что это были две женщины из Союза писателей. И даже известна причина: он ослеп и разглядел, что закапал себе в глаза, а это была зеленка. Он дико кричал. Ненавидящие его соседи вызвали скорую помощь. Как и когда появились "две женщины из Союза писателей", установить не удалось, но они привезли его в пансионат ветеранов труда № 9, как официально назывался дом престарелых у метро "Планерная".

Я сняла пансионат снаружи, а внутри мне удалось найти медсестру, которая принимала Шаламова. Милая женщина, кроткая и сострадательная, она очень смущалась. Мне стыдно, что ее имя не сохранилось на пленке. Но и сегодня можно видеть ее светлое лицо.

— Я помню Шаламова, когда он поступил к нам в интернат. Это было давно уже, я точно дату не могу сказать. Он поступил к нам из дому. Его привезла, по-моему, жена. Я теперь уже не могу конкретно сказать. И кто-то из Союза писателей, женщина молодая. Привезли его к нам в очень неухоженном состоянии. На нем было черное пальто. Очень пыльное, грязное. Он был весь обросший, невымытый. Его, конечно, обработали. Был у нас несколько дней в карантинном отделении, недели две. Потом его перевели во второе отделение на 3-й этаж. В двухместной комнате он у нас жил. Поселили его сначала с соседом, но он был очень... таким... Трудно было понять, что он хочет сказать, потому что речь у него была нарушена. Было такое заболевание... Уже прогрессировавшее... И здесь он не мог ни с кем жить. Пришлось нам его перевести из этой палаты с соседом в другую палату. Потому что он своими движениями мог

перевернуть тумбочку... Не мог никогда на белье спать, потому что он его так всегда комкал. Потому что у него были такие непровольные движения. Он даже не пользовался приборами и компот пил, и суп прямо из миски. Во всяком случае, то, что он такой неприятный... вот это у меня в памяти стоит — такое пальто черное, как будто все пыльное такое. Такое впечатление, как божж сейчас поступает, так и он...

— И никаких признаков того, что перед вами стоит великий русский писатель? — спросила я.

— Нет-нет-нет. Об этом даже речи не могло быть...

— Он понимал, что он пришел сюда по доброй воле?

— Нет. Он не понимал, что он пришел в интернат, нет. Ему безразлично было, где он находится в этот момент...

Это правда, но не вся правда. Шаламова нашли друзья в этом страшном "доме" и навещали до последнего дня. Слава тоже нашла его там: Пен-клуб Франции присудил В. Шаламову премию за его прозу. Иностранцы корреспонденты, расквартированные в Москве, ринулись на поиски героя. И нашли его в гадюшнике, пропахшем мочой и преисподней.

Сколько раз я слышу, что что-то сделано "системой", столько стараюсь разглядеть за этим безликим словом лицо. В случае с В. Шаламовым я встретила с этим "лицом" системы вплотную — колено в колено, сняла его, и хоть пленку украла из монтажной, и я полагаю, что знаю, кто это сделал, по прошествии лет я помню этого человека. Рука спотыкается писать "человек", но скудость языка не знает синонима для описания человекоподобных чудовищ. В. Шаламов описал их. Откройте "Колымские рассказы", прочтите о вохрах, блатарях и "суках". Это был один из них. Он сидел за столом в кабинете директора пансионата для ветеранов, и сложенные в замок его крепкие руки с наколкой на каждом пальце притягивали так, что было не оторвать глаз...

— Никакой КГБ за ним не следил, — с презрением сказал мне директор в наколках. — Да кому он был нужен, чтоб следить за ним? Я сам позвонил в КГБ и попросил, чтоб меня оградили от этих посетителей.

Главное, что не понравилось ему в визитерах, что они все (!) были "лица еврейской национальности". Действительно, странно, что ложа иностранной прессы в Москве не нашла других знатоков русского языка. Прислали бы француза, и, глядишь, пожил бы еще Шаламов какое-то время. Но урка устал. КГБ пришел ему на помощь. Сообща они состряпали дело, соблюдая формальности: освидетельствовали обитателя "дома ветеранов", признали безумным и предписали перевод в психушку.

Для тех, кто не знает или забыл, напомню, что в любом казенном заведении ты облачен в казенную пижаму, которая на учете у директора. А потому пижаму "дома ветеранов" с В. Шаламова сняли, а пижаму психушки — надели, только когда привезли. В пути — заплутали: январь, метель. Молодому, здоровому, крепкому поезду нагишом в январе не по силам, а обмороженному старику — верная смерть. Чего и хотела страна с января 1937-го. Даже странно, что он еще прожил целых 72 часа.

Десять лет спустя после кончины В. Шаламова я разыскала Елену Хинкис и Татьяну Уманскую. Попросила их приехать в последний приют писателя на съемку.

Хрупкая женщина Лена Хинкис-Захарова в 1992-м приехала в этот самый диспансер психоневрологов и рассказала, как приняла последний выдох В. Шаламова.

— Есть свидетельства, что это происходило не добром, не по доброй воле, — сказала она. — И он относился к пребыванию в интернате как к пребыванию в тюрьме. Это абсолютно точно, и он об этом говорил, и есть масса людей, которые могут это засвидетельствовать. И вел себя соответственно. Он шревал постельное белье, он повязывал на шрево полотенце. Он считал себя в тюрьме и вел себя, как он есть в тюрьме.

— Это случайность, что его голого везли по морозу? И он умирает от пневмонии?

Татьяна Уманская, которая была с Еленой, осадила меня.

— Я думаю, что никто намеренно его не простужал, — сказала она. — Я думаю, что об этом просто никто не думал. Им нужно было убрать его с глаз долой. Понимаете, приближалось его 75-летие. Только что в одном из журналов вышла подборка его стихов. Стихов человека, объявленного безумным, и напи-

санных им. Стихов абсолютно нормального человека.

— Администрация этого интерната на "Планерной" хотела от него избавиться... — поддержала ее Елена.

Я кивала. Непреднамеренное убийство отличается от намеренного. Спасибо.

— Какие сохранились свидетельства пребывания Шаламова у вас? — спросила я директора психоневрологического диспансера Беллу Скрынникову.

— Я по вашей просьбе пересмотрела всю документацию, и всё, что я обнаружила, это в журнале умерших — регистрация и дата смерти, — сказала она. — Шаламова Варлама Тихоновича 1907 года рождения. Умер 17 января 1982 года в нашем учреждении.

— По вашему счету, сколько дней он был здесь?

— Двое или трое суток.

— И когда вы приехали сюда, что вы здесь нашли?

— Когда я приехала сюда, — рассказала Лена Захарова, — сюда было довольно трудно попасть. Был выходной день, администрации не было, был только дежурный врач, с которым мне удалось поговорить и который, к моему большому удивлению, проявил сочувствие. Я аргументировала это тем, что я сама врач. Короче говоря, нас пустили, меня и Людмилу Аникст, и провели в палату. Была санитарка, которая нас провела, и мы обнаружили его в шестиместной палате. Он был уже в агонии. Без сознания. Какие-то элементы сознания еще были, но это было неясное сознание, безусловно. Уверенности, что он нас узнал, у меня нет. Прожил он на моих глазах несколько часов. По моей просьбе мне был вручен шприц со строфантоном — чтобы поддержать сердце, и я сама сделала ему инъекцию. Больше для очистки совести, потому что он был уже в агонии. Уже было очень низкое давление, он погибал, и это произошло в течение нескольких часов. Смерть была констатирована, запись об этом была сделана... Дальше я заинтересовалась у доктора, как мне быть... Решил о похоронах. Я спросила, как это обычно у них бывает. Доктор сказал, что тела забирают в морг, и на основании его паспорта можно получить свидетельство о смерти на гербовой бумаге... Он был сыном священника, крещеный человек, и вопрос о том, был ли он верующим и в какой степени, не имел значения. Он не был практикующим христианином, это точно. У него есть богородческие стихи и есть стихи религиозного человека. Это его личное дело, его и Бога... Главное — он был сын священника, крещен, а значит, мог быть отпет. И мы решили, что он будет отпет...

— Если бы вы не пришли, не нашли его в воскресенье, не взяли бы всё это на себя, а он умер бы, просто как обыкновенный одинокий человек, мы бы сегодня нашли его могилу? — спросила я.

— Конечно, не нашли бы, — ответила директор Скрынникова. — Его кремировали бы и похоронили в общей могиле одиноких психоневрологов.

— Это чудо, что он избежал такой гибели гурьбой и гуртом, — сказала Лена. — Ямы там — на Колыме — и братской могилы здесь. Это просто чудо...

Шаламова предали земле на Кунцевском кладбище. За гробом шли почитатели и стукачи. Мир его памяти, великого страдальца и великого писателя, уничтоженного своей родиной.

## P. S.

В этом месте я вспоминаю свидетельство о том, как Владимир Павлович Эфроимсон зимой 1985 года встал у микрофона в Политехническом музее, где научной общественности впервые показали смелый по тем временам фильм "Звезда Вавилова", и сказал то, что до него никто не осмеливался произнести вслух: "Я не обвиняю авторов фильма в том, что они не смогли сказать правду о гибели Вавилова. Они скромно сказали — погиб в Саратовской тюрьме. Он не погиб. Он — сдох! Сдох, как собака. Сдох он от пеллагры — это такая болезнь, которая вызывается абсолютным, запредельным истощением. Именно от этой болезни издыхают бездомные собаки. Наверное, многие из вас видели таких собак зимой на канализационных люках. Так вот: великий ученый, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох, как собака, в саратовской тюрьме. И надо, чтобы все, кто собрался здесь, знали и помнили это".

У Шаламова была пеллагра, но он не сдох, а чудом выжил на Колыме.

Вернулся в Москву, где его убили. Среди бела дня.